

Политическое измерение российской модернизации

Темой очередного научного семинара под руководством Евгения Ясина стало обсуждение политического измерения российской модернизации. С основным докладом выступил председатель Правления Центра политических технологий, директор Дирекции по общественно-политическим проблемам развития Института современного развития Борис Макаренко. В дискуссии приняли участие директор по стратегиям и аналитике ЦПК «НИККОЛО М», кандидат философских наук, доктор социологических наук Михаил Афанасьев, директор Центра региональных политических исследований МГИМО (У) МИД РФ, профессор, доктор политических наук Ирина Бусыгина, член Правления Института современного развития, доктор экономических наук Евгений Гонтмахер, руководитель региональной программы Фонда развития информационной политики, кандидат политических наук Александр Кынев и другие.

Евгений Ясин:

Некоторое время назад появился доклад ИНСОР «Россия XXI века – образ желаемого завтра». Не важно даже, как он называется, важно, что он вызвал определенную общественную реакцию, в основном – недоброжелательную, по весьма неоригинальному сценарию, который очень напоминает реакцию, вызванную другим докладом, заказанным ИНСОР у Фонда политических технологий и посвященным демократии. Это было примерно год назад. Я познакомился с этим докладом и считаю, что он заслуживает очень критической оценки, но одновременно он является предметом для интересных дискуссий. Я не регламентирую докладчиков. Они могут выбирать все, что захотят. Но, с моей точки зрения, раздел доклада, который посвящен политическому измерению российской модернизации, политической системе, самый актуальный. Борис Игоревич, насколько я знаю, автор как раз этого политического раздела доклада. С моей точки зрения, доклад действительно заслуживает того, чтобы о нем серьезно поговорить. И сегодня мы собрались с этой целью. Борис Игоревич сделает доклад. Дискуссанты у нас весьма солидные. Я хочу особо представить Ирину Марковну Бусыгину, она у нас тут еще не бывала, но она напечатала очень интересную статью вместе с Филипповым в Ведомостях, это было примерно недели две назад. Я прочитал эту статью и решил обязательно пригласить автора на наше мероприятие. Хотя бы потому, что там есть определенные замечания, не к этому докладу, а просто вопрос об издержках изменения политических институтов, в том числе демократизации. Мне это представляется очень важным и интересным.

Борис Макаренко:

Спасибо за внимание к докладу Института современного развития «Россия XXI века – образ желаемого завтра», спасибо за моральную поддержку и одобрение, которые мы слышали от некоторых из вас, спасибо и за конструктивную критику. Людей, которые доклад не критиковали, а пытались убить на корню, я не вижу в этой аудитории. А мы очень четко различали, кто критикует, а кто пытается похоронить всю идею. Я не буду пересказывать доклад, даже его раздел о политической системе. Я хотел бы поразмышлять вокруг этой темы, немного раскрыть кухню нашего доклада. Напомню его структуру. Важно то, что третий раздел «Полдень, XXI век» – это футуристическая фантазия людей с экспертным мышлением, это то, что мы себе представляем, имея в виду горизонт в несколько десятилетий. Четвертый раздел – это первые шаги на пути к этому будущему. Мы сознательно не прокладывали всю дорожную карту от сегодняшнего дня до «желаемого завтра». Мы говорим, что делать, проснувшись завтра утром. Авторы доклада

перед вами на экране. Кто-то писал какой-то конкретный раздел, но мы всегда считали этот труд коллективным.

Теперь о теме нашего сегодняшнего заседания – политическое измерение российской модернизации. Политическое измерение модернизации – задача исторически конкретная. Если посмотреть, как переходили к современному обществу в других странах, то Англия и США переходили в условиях демократии, такой, какой она тогда была, Германия – в условиях не-демократии. Франция на протяжении модернизационного процесса неоднократно меняла свой строй. А вот дальше, после Первой мировой войны началась развилка, которую блестяще описал американский социолог Баринтон Мур. Там, где к периоду обострения социальных конфликтов, порожденных модернизацией, уже были навыки конкурентности и согласования интересов, модернизация протекала демократически. Где этих навыков не было, острота модернизации породила диктатуру, либо фашистскую, либо коммунистическую. Дальше мы знаем, что после фашистской диктатуры некоторые страны вернулись к демократии либо после Второй мировой войны, либо в 70-е годы, либо, как коммунистический лагерь, приступили к перезапуску модернизации в новых условиях. Некоторые нас упрекают, что мы не знаем литературы по модернизации, на которую у нас ссылаются. Но нужно учитывать, что это литература 60-80-х годов, когда модернизация третьего мира на западе понималась однозначно – нужно «этих» вытащить в современность какими угодно средствами, только чтобы они не попали в коммунистический лагерь. Отпечаток этой школы лежит на модернизационных теориях до сих пор, поскольку он применим к России. Если посмотреть на российские модернизации (не будем оценивать их успешность и провальность), то каждый виток модернизации, в сравнении с историческими аналогами, порождал меньшую экономическую свободу и меньшую, или вообще никакую свободу политическую. Между тем, именно политическая сфера определяет сценарий модернизации, ее движущие силы и коалиции, механизм распределения общественных благ и конфликтов. Как известно, «бесплатной модернизации не бывает». Это цитата из статьи Владислава Юрьевича Суркова, в которой мы тоже увидели некоторые элементы полемики с нашим докладом.

Следующая тема – ресурсы и издержки модернизации. В чем отличие нашей национальной модернизации от ее классических моделей? Главная отличительная черта – недостаточная рыночность. СССР подошел к 90-м годам прошлого века с обществом индустриализованным, урбанизированным и образованным. В нем было почти все, что было на западе в тот же период, может быть, немного в меньшей степени. Категорически отсутствовали две вещи – рыночность в экономике и конкурентность в политике, и эти «недорыночность» и «недоконкурентность» являются тяжелыми гирями на ногах российской модернизации и сегодня. Идет очень много споров о том, индустриальная у нас модернизация, или постиндустриальная, Владислав Леонидович Иноземцев много пишет на эту тему. У нас нет ресурсов для классической индустриальной модернизации: деревня ограблена Сталиным, дешевой рабочей силы нет. Нам предстоит решить задачу, которую, наверное, еще никто не решал – нам нужно осуществить реиндустриализацию, то есть, развитие традиционных областей, но, в то же время, прорыв может быть достигнут только в постиндустриальных областях, потому что рабочая сила у нас образованная, богатая, избалованная, и только такая рабочая сила, только такой человеческий капитал может стать движущей силой модернизации, иначе мы просто не имеем конкурентных преимуществ.

Наконец, последняя, очень важная черта – предельно высокая цена ошибки в выборе стратегии модернизации. И здесь мы возвращаемся к нашей теме – зачем модернизации нужно политическое измерение. Напомню аксиому: модернизация – это вообще не про экономику и не про технологии, они лишь средства модернизации. Она представляет собой политический процесс: еще в 1961-м году американский социолог Карл Дойч сформулировал, наверное, главную максиму модернизации, что «критические изменения

– это изменения ценностей, а не структуры экономики». И рынок – не институциональный, а политический феномен. Доказательства и допущения находятся в постсоветских странах, как пишет американский историк, кремлинолог Стивен Коткин и подробно рассматривает это в своей книге «Предотвращенный Армагеддон». Адам Пшеворский, на основе анализа 470-ти кейсов экономического развития после Второй мировой войны, пришел к выводу, что в демократиях и не-демократиях экономический рост в эти годы происходил в среднем одинаково, но зато в десятках самых успешных и самых провальных моделей экономического роста было по 8 не-демократий. Евгений Максимович Примаков в своем недавнем выступлении сформулировал практически ту же мысль: «Успех модернизации экономики России во многом зависит от создания такой партийно-политической системы, которая помогала бы властям избегать ошибочных решений. Характерная черта такой системы – партийный плюрализм». Далее у Евгения Максимовича очень резкая филиппика в адрес «Единой России» и нынешнего состояния партийной конкуренции.

Я бы осмелился сформулировать три цели модернизации политической системы, т.е. три причины, почему она нужна для модернизации в целом. Во-первых, как сказано выше, чтобы избежать ошибок в принятии стратегических решений. Президент Д.А.Медведев, выступая на Госсовете, сказал: «Политика должна становиться более умной, более гибкой, более современной. На практике мы, к сожалению, сталкиваемся с иными подходами, когда усложняющимися социальными процессами пытаются управлять при помощи примитивного, я бы даже сказал, тупого администрирования». Тупое администрирование в выборе стратегии и реализации этой стратегии точно приведет к провалу. Вторая цель – включить человеческий капитал. Третья – ослабить административный пресс, коррупцию, административные барьеры. Премьер-министр В.В.Путин, выступая на съезде «Единой России», сказал, что «в честной конкурентной борьбе должны побеждать сильнейшие предприятия, за счет инноваций и эффективного управления, а не за счет сговоров, закулисного лоббирования или чиновничьего покровительства». Из этой формулировки также следует, что модернизация – процесс политический, потому что и лоббизм, и бюрократическое покровительство, и сговоры – это не экономические, а политические феномены.

Что же мы имеем на старте модернизации? Общий кризис управления, как государством, так и общественно-политической дискуссией. Ниже я покажу, что многопартийность, даже фасадная, и та находится на грани вымирания. Состоялся реванш бюрократии. Владислав Сурков в статье пишет: «Я еще несколько лет назад сказал, что централизация находится на пределе возможностей, больше нельзя». Но каждый день приносит новые свидетельства того, что больше можно, гайки закручиваются еще дальше. Государство по-прежнему боится, что стоит что-то чуть отпустить, и процесс выйдет из-под контроля. Это означает только, что укрепление государственности, под лозунгом которого прошло первое десятилетие нового века, на самом деле, не привело к созданию государства, способного урегулировать конфликты и управлять этими конфликтами, если до сих пор так велик страх. Угроза возврата к нефтяной игле не устранена. Опять цитирую Евгения Примакова, который говорит о мощных силах, которым все еще кажется, что вкачай ресурсы в сырьевой сектор, и нефтяные цены вернуться на прежний уровень, и все может идти так, как шло в последние годы. И вообще, политический дискурс становится не просто консервативным, но архаичным. Напомню сегодняшнее заявление председателя Государственной Думы Бориса Грызлова о том, что калининградские и иные выступления точно свидетельствуют о том, что сформирован какой-то центр, который призван развалить государство. До этого было заявление председателя комитета Госдумы по экономической политике Евгения Федорова о том, что против Путина в мире только две силы – США и организаторы демонстрации в Калининграде. Было заявление депутата-

единоросса Ирины Яровой, что надо поискать иностранные деньги за организацией Калининградской демонстрации. Так что, феодальный изоляционистский дискурс жив.

В России происходит угасание политической конкуренции: снижаются даже формальные показатели многопартийности. В политологии есть известная формула эффективного числа партий Таагеперы-Лааксо, которая рассчитывает, сколько партий не номинально существует, а реально участвует в электоральной и парламентской борьбе. Как показано на графике, в пятой Думе по этой формуле мы с вами имеем 1,92 партии, остальные три партии как участники политического процесса в совокупности на вторую партию не тянут. На выборах, вроде бы, было 11 партий, а на самом деле – по формуле эффективного числа – их 2,2. Если посмотреть на региональные выборы в законодательные собрания, по паре наиболее ярких случаев я пересчитал эти же формулы, получилось еще меньше.

Вернемся немного назад – подконтрольность большинства партий бюрократической вертикали. Партий у нас семь, из них шесть оппозиционных, из этих шести только две можно считать действительно автономными в принятии решений – КППРФ и Яблоко. Остальные либо создавались Кремлем, либо управляются им в достаточно высокой степени. Сейчас чиновники и бюрократы говорят о нехватке многопартийности не потому, что они хотят конкурировать и бороться. Им даже не с кем посоветоваться, не от кого услышать второе мнение. У нас говорят, что Дума – не место для дискуссий. Если даже Дума – не место для дискуссий, места для дискуссий не остается нигде, кроме кулуаров чиновных кабинетов, а качество этих дискуссий «снаружи» замерить невозможно. Политики в таких условиях утрачивают любые стимулы к поддержке этих партий и к участию в межпартийной борьбе. Зачем вступать в партию, вкладывать ресурсы, за что-то бороться, если эта партия в самом лучшем случае получит 7,1% и ни на что повлиять не сможет? У нас на самом высоком уровне говорится, что в стране не хватает альтернативных политических программ и предложений. Простите, откуда они возьмутся, если туда не идут люди с политическими амбициями и политическим потенциалом, если у партий с трудом находятся ресурсы, чтобы провести избирательную кампанию, чтобы закрыть своими наблюдателями избирательные участки, чтобы потом закрыть своими юристами судебные процессы. Ни на что уже не остается сил и ресурсов, им остается только вопиять в пустыне о том, чтобы этот процесс хоть на какой-то точке остановился. И продолжается закручивание гаек. Пример – инициатива о запрете одиночных пикетов. Приведу еще один пример – в этом избирательном цикле на выборах одного из региональных законодательных собраний кандидату от ЛДПР было отказано в регистрации, потому что он неправильно указал род своих занятий. Он написал, что он писатель, а членский билет Союза писателей предъявить не смог. Случай, который случился в суде с Иосифом Бродским полвека назад, повторяется в современной России. Человек, кстати, имел договора с издательствами, изданные книги – но это не доказательство, билета-то нет. По-моему, ЦИК вмешался, и его восстановили.

Следующая тема – принципы модернизации политической системы. Что-то из этого в докладе прописано, что-то явно подразумевалось. Вы помните, что у нас есть образ желаемого завтра в третьем разделе и потом первые шаги, естественные, эволюционные и постепенные. По моему убеждению, в России складывается своя модель неокорпоративизма, где механизмы согласования очень жестко регулируются сверху. Убрать их в одночасье – все может действительно рухнуть. Значит, задача, реальная для многих современных неокорпоративных структур – превратить их из ограничителя конкуренции в механизмы согласования. Задача очень сложная, но ставить ее надо именно так. Первый шаг – ликвидация бюрократических напластований и перезапуск конкуренции. В докладе этому посвящен целый раздел, я не буду его пересказывать. Речь идет о таких вещах как создание негативных стимулов для использования на выборах так называемых «паровозов», отмена совершенно запредельного бюрократического требования – вы знаете, что у нас сейчас губернатор идет паровозом, мандат не берет, но

если через 2 года он перестает быть губернатором, он мандат может взять по второму разу, это яркий пример бюрократического напластования. Мы высказываемся за отмену. Еще одно предложение – отмена метода Имперали при распределении депутатских мандатов. В российской политической системе она избыточна и не нужна, она выполняет только одну функцию – завышает результат и без того побеждающей партии. Мы пишем о необходимости неформального пакта ответственности политических партий, который подразумевает создание механизмов управления конфликтами, ведение политической борьбы по определенным правилам и четкие ориентиры на конечную цель – на построение эффективного государства. Здесь не удержался, простите, употребил термин *goodgovernance*, справедливый общественный строй, личная свобода, защищенность интересов и право на стремление к счастью (*pursuit of happiness*). Простите, опять заимствование – из Декларации независимости США, потому что именно стремление каждого человека к счастью раскрывает его человеческий капитал и делает его созидателем и творцом модернизации. Что это даст? Либерализация, начавшись в политике, распространяется на повседневные практики, возможность самореализации наиболее активных и продуктивных категорий граждан, сокращение государственного вмешательства. Одно из наиболее часто цитируемых терминов из доклада – это дебиюрократизация экономики.

В завершение – какую политическую систему России мы увидели через несколько десятилетий. Это точное воспроизведение доклада. Наши недоброжелатели называют эту систему архаичной. Простите, но любой классический храм имеет колонны, из этого не следует, что Исаакиевский собор архаичен, потому что похож на храмы Древнего Рима. Любая демократия неизбежно имеет какие-то общие черты справедливости выборов, системы сдержек и противовесов. Предлагаемая нами система похожа не на то, что было в 90-е. Спаси Господи, не было в 90-е крупных правоцентристской и левоцентристской партий, сильного парламента не было. Из правоцентристской партии, не побоюсь сказать при Владимире Рыжкове, получился «Наш дом – Россия», из левоцентристской партии получился пшик. А так – да, система похожа, потому что многие ее элементы работали в России в запредельно сложных условиях 90-х годов. Политическим системам свойственно заимствовать собственный исторический опыт, об этом свидетельствуют и страны Центральной Европы, и многие другие страны. Мы вряд ли будем жестко настаивать на каждой конкретной позиции из этих 11 пунктов. Каждое из наших предложений основывается на экспертных заключениях. Например, срок президентских полномочий 5 лет и Думы – 4 года. 6 лет для президента нам кажется много, а вот идея развести циклы президентских и парламентских выборов нам показалась здоровой, причем развести так, чтобы цикл стал плавающим. Такой цикл делает политический процесс более плавным, потому что не задает жесткие условия. За каждым из этих пунктов стоят такого же рода экспертные соображения, и если будут конкретные вопросы – с удовольствием подискутирую.

Леонид Васильев:

Понятие права, понятие свободы?

Борис Макаренко:

Много раз встречается – и право, и свобода.

Евгений Ясин:

Ваш вопрос воспринимается как упрек. Надеюсь, будет случай, и авторы дальше ответят подробнее.

Михаил Афанасьев:

Чтобы разговор о политическом измерении модернизации был полезен, нужно, прежде всего, четко определиться, о чем мы говорим. Дело в том, что одного политического измерения у модернизации нет. Есть несколько не совпадающих измерений или, если угодно, способов измерения. Я насчитал, как минимум, пять измерений.

Во-первых, это характер национальной политической культуры, способность и готовность нации к модернизации, поскольку способность и готовность сейчас поставлены под сомнение – и самим ходом исторического процесса, и оценками, которые доминируют при обсуждении этих вопросов. Во-вторых, это содержание и динамика конкретных социальных запросов, в том числе, электоральных. В-третьих, состояние институтов, выбор моделей и разработка программ развития этих институтов. В-четвертых, анализ интересов и действий политических игроков, сценарии и прогнозы их действий. И, наконец, в-пятых, стратегия общественно-политических действий.

В идеале все это надо бы удержать в тексте, в голове и выстроить из этого некую целостную картину. За оставшиеся 8 минут я этого сделать не смогу, поэтому ограничусь изложением тезисов.

Тезис первый. За два прошедших десятилетия российское общественное сознание, как массовое, так и элитное, пережило два крупных разочарования. Сначала оно разочаровалось в демократах, потом оно разочаровалось в государственниках. И демократы, и государственники пришли на волне общественных ожиданий. И те, и другие воплощали собой большие социальные надежды примерно на одно и то же. Это надежды на новый, в том смысле, что не коммунистический, справедливый социальный порядок. Сначала в роли такового представлялся порядок, скорее, европейского типа, а затем – порядок не коммунистический, не европейский, а какого-то особый российский, то есть, порядок традиционалистского типа. Во второй половине 90-х стал очевиден тренд в сторону традиционалистской реакции, но преувеличивать его я бы не стал. Социальный запрос на возвращение государства, с моей точки зрения, был не только закономерным, но и по сути своей конструктивным. На этот запрос можно было отвечать и опираться по-разному. Олигархия, которая сложилась уже в 90-е годы, оседлала этот традиционалистский тренд. Но при этом традиционализм постсоветской олигархии оказался скорее показушным, гламурным – как и её модернистский дискурс в духе «правительство – единственный европеец». И то, и другое – это «пиар» для разных целевых аудиторий, подчинённый одной цели – выстраиванию пресловутой системы ручного управления. Однако наш «единственный европеец» в своём гламурном традиционализме перешёл важную границу: политическая система в России формально не отменена и ничем другим формально не заменена, но она просто отключена. Таким образом, сегодня и массовые, и элитные группы полностью разочаровались в полезной дееспособности «вертикали власти», а ничего другого нет, политические механизмы публичной подотчётности правительства не работают. Это главная институциональная ловушка.

Тезис второй. Потребительский индивидуализм – это тотальный модус вивенди россиян, который определяет сегодня поведение людей и в верхах, и в низах нашего общества. Каковы последствия этого? С одной стороны, это блокирует возможность авторитарной, мобилизационной модернизации – практически никого невозможно заставить работать даже за деньги, а без денег тем более. Другим последствием является абсолютная

общественная апатия. Власть не нравится, но никаких коллективных действий не происходит, поскольку предельно слабо социальное доверие, слабы все формы социальной солидарности, даже узко корпоративные, не говоря уже о классовой. Это не исключительно российская ситуация. Похожие тенденции можно наблюдать на Западе, но там, где институциональная система работает, можно говорить о некоем новом качестве демократии, а именно – об аудиторной демократии. А у нас вместо институциональной системы есть институциональная ловушка, поэтому у нас нет никакой аудиторной демократии, у нас есть телевизионная олигархия. В результате мы в последнее десятилетие наблюдали и наблюдаем имитацию национального развития. Причем, это всеобщая имитация, в которой участвуют отнюдь не только верхи, но и низы, и середины, то есть, все. Кризис, который переживает сегодня Россия – это кризис имитационного способа национальной жизни.

Третий тезис. После 11-го октября 2009-го года мы живем в новой социально-политической ситуации. Анализ лукавых цифр, в которые облечены и спрятаны результаты голосования, показывает, что российские граждане перестают ходить на выборы. Архангельск стал первым российским городом, бойкотировавшим выборы. В Москве ситуация была очень близка к такому же стихийному бойкоту – реальная, причём в значительной мере административно мобилизованная, явка едва ли превысила 20 процентов. В то же время произошло относительное увеличение голосования за левые оппозиционные партии. Что из этого следует? Следует сделать два вывода. Вывод первый: путинского большинства, которое всегда было относительным, но было и служило социальной базой режима 10 лет, теперь нет. Второй вывод: никакого другого большинства нет тоже.

В такой ситуации необходимо проанализировать, понять содержание социального запроса. Вот мой четвертый тезис – в массовых и в элитных группах российского общества главным сегодня является запрос на качество государства. К сожалению, многие политические игроки понимают этот запрос плохо. Примените этот критерий – улучшение качества государства – к наличным политическим игрокам, и станет понятно, почему люди за них так плохо голосуют или не голосуют вообще. Но тезис о качестве государства нужно, конечно, конкретизировать. Такая конкретизация проведена в исследовании Фонда «Либеральная миссия» по социальному запросу в российских элитах развития. Соответствующий социологический материал можно найти также и в некоторых массовых социологических опросах. Наше исследование показывает, что есть запрос на работающие институты. И когда начинаешь проявлять представления об этих институтах, оказывается, что это не традиционалистские конструкции, а вполне себе нормальные современные институты: парламентский контроль, подотчётное правительство, конкурентные выборы, неподкупный и не сервильный суд.

Следующий, пятый тезис. Социальный запрос на работающие современные институты невозможно выполнить при отключенной политической системе. Ведь её сверху для того и отключили, чтобы снизу не докучали своими социальными запросами и не мешали дела делать. Верхи не желают добровольно рисковать властью, тем более ею делиться. При общей апатии никакое общественное мнение, никакой социальный запрос для верхов не является аргументом. А граждане не готовы к коллективным действиям, пока жареный петух не клюнет персонально. Отсюда следует, что мы можем говорить о программе политической модернизации бесконечно, выделять 11 пунктов, 15 пунктов, подпункты. Чем больше пунктов мы выделим, тем с большей вероятностью в головах нашей аудитории только и останется представление о том, что срок полномочий президента увеличили правильно, а учёные, как всегда, спорят – на 2 года или на 1 лучше было увеличивать. Хотя совершенно же очевидно, что это дополнительное затруднение для граждан России, сменять российских президентов, которые формируют правительство и

уже установили обычай передачи власти по завещанию. Это не модернизация, а могильный курган над российской политической системой.

Поэтому – и это последний мой тезис – нам следует, не мудрствовать лукаво, а внятно высказать очень простую вещь: чтобы начать политическую модернизацию, надо включить политическую систему. Либо ждать, пока сгнившее государство окончательно развалится. Включение, запуск политической системы – вот ключевое звено, на котором нам необходимо фокусировать общественное внимание и внимание лиц, принимающих политические решения. Лозунг дня – электоральное раскрепощение. Россиянам должно быть возвращено и гарантировано право свободно создавать политические партии и комитеты избирателей. А политические партии должны сформировать новые избиркомы, которые следует формировать исключительно из доверенных представителей политических партий. Плюс ещё один человек – председатель избиркома, которого представители партий консенсусно выберут из числа наиболее уважаемых людей местного сообщества.

Ирина Бусыгина:

Я впервые в этой аудитории и весьма рада этому обстоятельству. Я, конечно, не буду пытаться «убить» доклад на корню, поскольку хорошо понимаю, что «ломать – не строить», и выступать в роли критика значительно легче, чем в роли автора. Правда, немного утешает то, что здесь действует принцип ротации: сегодня тебя, а завтра – ты. Сегодня мы обсуждаем доклад Института современного развития, доклад большой, обширный, я бы сказала, обильный. Читать его довольно сложно. Впечатление несколько противоречивое. С одной стороны, текст большой, поэтому в нем очень много чего есть, с другой стороны, удивительно, что там нет вещей, которые, очевидно, там быть должны. И это обстоятельство меня даже слегка напугало.

Какова цель доклада? Как написал Евгений Гонтмахер, доклад разбудил, еще более возбудил нас к обсуждению темы модернизации, и это здорово. Если цель заключалась в этом, то она достигнута: мы действительно здесь сидим и обсуждаем доклад. Если же были и другие задачи, то они, может быть, достигнуты не полностью. Я предложила бы три направления, которые, возможно, были бы полезны авторам доклада для дальнейшей работы.

Первое, что меня сильно поразило: перечисляя трудности перехода, модернизационного рывка, который должен состояться, многократно упоминают нашу ресурсную экономику и так называемое «ресурсное проклятие». А такие банальные вещи как размер нашей страны и ее территориальное устройство не упоминаются практически ни разу. Между тем, по моему глубокому убеждению, размер территории России (а это чисто российская проблема) и ее территориальное устройство обуславливают колоссальное увеличение рисков при модернизации, увеличение в геометрической прогрессии. Я не буду подробно говорить о том, какие проблемы в связи с этим возникают, назову только две, на самом деле, их намного больше. Первая проблема связана с тем, что при начале реформ немедленно возникает серьезный анти-аргумент. Это аргумент о возможной потере Россией территориальной целостности. И тут даже те, кто выступает за реформы, начинают задавать себе вопрос: «А, может быть, лучше не надо, может быть, мы лишаем Россию будущего как единое государство?» И что с этим делать – совершенно непонятно, потому что это действительно мощный аргумент сторонников централизации и унитарной России. Вторая проблема, которая тоже связана с территориальным устройством, но, на самом деле, даже шире – это проблема так называемых «ранних победителей». Доклад не отвечает на вопрос, что будет (а так получится наверняка), когда в процессе реформ появятся те, кто выиграет на ранних этапах, и я думаю, что среди них неизбежно будут региональные элиты. Ранние победители не заинтересованы в продолжении процессов

модернизации и будут их блокировать. Как сделать так, чтобы реформы продолжались? Как преодолеть сопротивление тех, кто выигрывает первыми? В докладе об этом не сказано ничего.

Второй сюжет, который я бы предложила для дальнейших изысканий – это вопрос о подходе к поиску и привлечению сторонников модернизации. Насколько я поняла, предлагаемый подход – это коалиция и компенсация. Иными словами, речь идет о том, чтобы всем сделать хорошо, фактически, построить максимально широкую коалицию. И авторы доклада пытаются нас убедить, что это действительно возможно, что можно построить очень широкую коалицию на модернизационном базисе. Потому что предполагается, что едва ли не все группы в обществе должны выиграть (непонятно, кто должен проиграть). Кто-то выигрывает, потому что он молод, потому что он активен, потому что у него высокий инновационный потенциал, и вообще, он годится для блестящего будущего. А кто-то – который не молод и не активен – выигрывает, потому что ему будут предусмотрены компенсации, то есть хорошее – особое – перераспределение. Вот цитата из доклада: «ни одна социальная группа не выпадет из социальной среды». Фактически – всем сестрам по серьгам. Мне представляется, что это ошибка, и очень серьезная, потому что у модернизации на разных этапах обязательно будут свои победители и свои проигравшие. Как только начнутся реформы, эта замечательная широкая коалиция неизбежно развалится, потому что будет нарастать конфликт интересов внутри нее. Доклад весьма произвольно соединяет задачи повышения конкуренции и социальную политику. Опять-таки – всем хорошо. А как это возможно сделать – совершенно непонятно. Более того, как мне представляется, раздавать такие широкие обещания всем, как это делается в докладе, просто опасно. Потому что тем самым дается легитимация, оправдание претензий всех групп: нам же обещали, и где оно? А ведь очевидно, что это «где» для многих не состоится. Раздача заведомо невыполнимых обещаний может привести к тому, что впоследствии идея модернизации и реформ будет дискредитирована еще больше, а, соответственно, и откат будет еще больше. Так что стратегия, которая предложена в докладе, может быть ложной. И еще одно. Если реформы можно начать хоть завтра, как говорят авторы доклада, то я так понимаю, что начинать их будет действующая власть. Тогда возникает резонный вопрос, какие гарантии предусматривает доклад для того, чтобы эта власть сохранила свое политическое будущее? Если такой гарантии не предусмотрено, тогда зачем она вообще будет начинать модернизацию? Непонятно.

Самое последнее – каким будет переход? В докладе сказано, что переход будет поэтапным и постепенным. Но, мне кажется, несколько игнорируется то, что переход будет крайне рискованным, очень мучительным, он будет постоянно терять популярность, коалиция будет постоянно менять сторонников и меняться сама. Будет потеря в стабильности, будет потеря в контролируемости, а эффект – если придет – то гораздо позже. Стратегический вопрос заключается в том, как обеспечить продолжение реформ после того, как пройдет определенный период. Это принципиальный вопрос, без которого доклад остается желаемым будущим, но непонятно, *каки почему* осуществимым.

Может быть, стоит сделать текст более коротким, не столь точным в обещаниях, которые заведомо нельзя будет выполнить. Зато стоит задуматься о вещах, на которые в тексте вообще нет указаний, и которые, на мой взгляд, представляют собой самую большую трудность.

Евгений Гонтмахер:

Я не оппонент, поскольку тоже участвовал в написании документа. Очень интересно выступление Ирины Марковны. Я согласен насчет мучительного перехода, я читал статью по этому поводу в «Ведомостях». Как человек, занимающийся социальными вопросами, я

это понимаю, и мы об этом говорим – например, мы не можем пройти мимо периода высокой безработицы. Если мы хотим модернизировать экономику, у нас должна быть высокая безработица, но, видимо, короткая. Второе: насчет того, что мы, якобы, пишем, что всем будет хорошо. Это не так. Проблема заключается в том, и во многих странах мира это, в общем и целом, достигнуто, что не должно быть такой ситуации, когда 13 млн. инвалидов, которые есть у нас в стране, выключены из социальной и общественной жизни. Но в социальном разделе написано и о конкуренции, которая тоже должна быть в этой сфере.

Насчет регионов согласен, сам экономико-географ по образованию и, в общем-то, занимаюсь регионалистикой, в той или иной степени. Безусловно, мы должны будем в дальнейшем сделать то, что вы сказали – предложить идеологию регионального развития. Думаю, мы это сделаем. Но сейчас важно, имея в виду, что Россия, пока еще, единое целое, понять какие-то принципиальные вещи, которые имеют значение и для Москвы, и для Чечни, и для Приморского края. Мы должны понимать, что у нас не может быть государства по-чеченски или государства по-калужски, и избирательная система должна быть единой на всей территории страны. А что касается регионов, да, есть большие различия, и это наша проблема, мы прекрасно понимаем.

Теперь – что касается политической составляющей. Причина того, что мы сделали большой раздел о политике и вывели его практически в начало, заключается в вынужденности ситуации. Потому что мы попали в кризис. Если бы не было этого кризиса последних полутора-двух лет, я думаю, мы не стали бы этот документ писать, потому что все были довольны – и элиты, и основная часть населения. Но мы попали в кризис, и дело даже не в положении населения, хотя оно стало ухудшаться, а в том, что мы все понимаем, что надо уходить куда-то в другую сторону, что в 2006-й год мы не вернемся, в 90-е годы мы не вернемся, в конец 80-х – тоже. Кроме того, мир развивается сейчас достаточно динамично, и экономически, и политически, мы видим глобальные сдвиги. Конечно, можно обсуждать, насколько есть будущее у либеральной демократии, насколько есть будущее у выборов как института. Мы эти вопросы перед собой, честно говоря, не ставили, потому что это не завтра, а, может быть, послезавтра. А завтра, которое мы перескочить не можем, оно, с нашей точки зрения, имеет вполне определенный европоцентричный вектор, в широком смысле этого слова, который мы попытались, конечно, с учетом российской специфики, в нашем документе подчеркнуть. Я недавно был в школе Елены Немировской в Петербурге. Там выступал китайский эксперт, работающий в официальной китайской аналитической структуре, и он сказал, что будущее Китая – это либеральная демократия. Может быть, он ошибается, но если человек из Китая это говорит, то какие могут быть у нас дискуссии по этому вопросу? Как мне кажется, завтра – это не такое далекое завтра, это, может быть, 10-20-30 лет. Поэтому курс на либеральную демократию, с моей точки зрения, абсолютно очевиден, и вопрос только в учете каких-то наших особенностей.

Два вопроса, которые сейчас стоят перед нами и которые не решены, о которых надо думать.

Первый вопрос – как нам перейти от нынешней авторитарной системы на путь демократической модернизации. Это колоссальная проблема, с моей точки зрения, даже мало изученная в науке. Мировой опыт есть, но он очень разный и мало подходит к России. Потому что проснуться буквально завтра и обнаружить либеральную демократию невозможно. Отдельный большой вопрос – политическая воля и личные мотивации наших нынешних руководителей. Я не хочу развивать этот пункт, но, видимо, над этим мы должны сейчас думать, чтобы очередная модернизация, которой Россия не может избежать, удалась. Иначе мы вылетим в пятый ряд стран и можем потерять даже территориальную целостность. Это первый вопрос, который открыт. Мы его пытались как-то обозначить, может быть, не в очень внятной форме, но с тем, что сказал Михаил

Николаевич, я абсолютно согласен. Первый шаг – надо менять людей, инициировать избирательную активность на базе создания реальной многопартийной системы. Кто-то должен внести поправки, и мы знаем, что это, в свою очередь, большая проблема.

Второй вопрос. В такой большой стране как Россия (мы не Сингапур) невозможно проводить модернизацию в отдельно взятом регионе или в отдельно взятой Кремниевой долине. Владислав Сурков в своем недавнем интервью сказал, что нам нужна вторая Немецкая слобода, и он, по-моему, ошибся по полной программе. Даже не хочется ему отвечать. Хорошо, будет Кремниевая долина в Подмосковье, отведут 27 тыс. гектаров земли, соберут там самых умных, может быть, некоторых из тех, кто присутствует здесь, также пригласят умных варягов (я представляю, сколько им надо будет платить, знаю, как экспаты живут у нас в России, это сложная ситуация). Это будет с членами семьи 0,5% населения. А что будет делать остальное наше население? Надо будет огородить Кремниевую долину пятиметровым забором с электрическим проводом. Простой китаец не может попасть в Гонконг, это для него за граница. Мы пойдем по этому пути? Это грубейшая ошибка, это пренебрежение к собственному народу и собственному историческому опыту. Мне кажется, наш исторический опыт достаточно богат, и положительный, и негативный. А на этом примере демонстрируется полное незнание собственной страны, не говоря уже о мировой истории. Вот эти два принципиальнейших вопроса, видимо, должны быть в центре внимания дальнейшего обсуждения.

И первоочередные шаги, действительно, избирательная система, партийная система и, я считаю, местное самоуправление.

Суть этого эссе, этого призыва – давайте думать о том, как мы должны продвигаться (с разной скоростью, в разных формах) по всем направлениям нашей жизни, потому что мы везде сильно отстали, и в экономике, и в социалке, и в политике, и в сфере безопасности, и во внешней политике. Так сложились российские реалии. И обсуждение того, что связано с политикой, я прошу рассматривать на этом фоне.

Александр Кынев:

Что касается данного доклада, честно говоря, притом, что я, наверное, согласен со всеми целями, которые в нем поставлены, у меня есть большие сомнения в том, кому и какими методами этот доклад предъявлен. Само прочтение текста оставляет двоякие ощущения. По стилистике, по пафосу, что мы будем жить в таком-то обществе, он больше всего напоминает послание президента, прозвучавшее в ноябре, и выглядит как его дополнительное издание, как комментарий и дополнение к посланию президента. И возникает резонное ощущение, что доклад писался как попытка подражать этому стилю, но по каким-то причинам адресатом стал не президент, а общество, но стиль остался. Если это текст для больших начальников, то большие начальники не читают больших бумаг. Если это текст для населения, он должен быть написан другим языком, с другой структурой, другими приоритетами и так далее, он должен более четко обозначать, почему именно для населения крайне важно, чтобы система изменилась. Так что можно сказать, что не обозначена целевая аудитория, и не обозначены проблемы, если не А, то Б, вот этого в тексте нет. Что касается того, что власть, к которой доклад по смыслу обращен (во всяком случае, у меня сложилось убеждение, что он обращен к ней), всерьез готова это воспринимать – у меня есть большие сомнения. Когда мы берем слово «модернизация» и пытаемся для этого слова придумать разные наполнения, мы все понимаем, что ловимся в ловушку. В какой-то момент, в связи с множеством разных событий, одна часть федеральной элиты стала стилистически изображать отличия от другой части федеральной элиты. Может, есть там какие-то отличия в уровне образования, в жизненной истории, кто-то работал в КГБ и вышел из рабочего района, а кто-то из интеллигентной

семьи, и у них разная стилистика. Но это стилистические различия. По моему глубокому убеждению, никакой внутренней потребности строить другую систему я у них не вижу.

В результате, придумали они слово «модернизация». Хочу напомнить: когда шла президентская кампания в городе Красноярске, прозвучало 4И – инвестиции, инновации, институты и так далее. Если кто-то не знает, то господин Хлопонин, губернатор Красноярского края, перед этим в этом же крае выдвинул программу 4Д – дом, деревня, дети, дороги. Еще одна аналогия – группа советников Хлопонина готовила проект под названием «Новая индустриализация России». Теперь мы имеем модернизацию, которую нам предлагают как новую индустриализацию. У меня такое ощущение, что мы наблюдаем новое издание с заменой отдельных слов из того, что уже издавалось в Красноярском крае. А чего край за эти годы добился, кроме большого пиара конкретного человека, я не очень знаю, по-моему, там сегодня большие проблемы. В результате, взято нейтральное слово, которое относится к совсем другой эпохе. Сегодня никакой проблемы модернизации нет, потому что модернизация – это переход от традиционного общества к современному. Нет этой проблемы у России сегодня. Это просто высосанный из пальца термин для того, чтобы найти имиджевые стилистические различия, чтобы привлечь тех, кто в чем-то разочарован и хочет каких-то изменений. Мы попадаем в эту ловушку, пытаемся вложить в этот термин все, что хотим поменять – выборы, реформы и так далее. А в ответ выходят и говорят: «Вы что, товарищи, модернизация – совсем не это», и они правы. Нужно пойти дальше и сказать, что в том, что говорит президент, тоже нет никакой модернизации, и к этому слову вообще не имеет никакого отношения. Что это все – чистая игра, с самого начала. Просто не надо вестись на уловки мошенников. Потому что мошенники тебя же в итоге и упрекнут, что ты выдаешь черное за белое, а белое за черное. Нужно говорить о демократизации, о реформах, нужно объяснять, что никаких реформ, на самом деле, не было, тем более что сегодня мы пожинаем плоды этого виртуального патриотизма. У нас количество медалей на олимпиаде обратно пропорционально количеству депутатов-спортсменов. Посчитайте! У нас степень отключения социальных лифтов для молодежи прямо пропорциональна количеству молодых депутатов во фракции «Единая Россия». Чем больше там депутатов, родственников старших товарищей, тем меньше реальных возможностей для простого человека кем-то сегодня стать. Все у нас наоборот. На мой взгляд, 10 лет, которые прошли, достаточны для того, чтобы стало очевидно, что виртуальные образы страны, «поднимающейся с колен», превращаются в миражи, за которыми пустыня. Люди уезжают. От спорта, о котором мы говорим, поскольку сейчас олимпиада, до науки, до той же самой Силиконовой долины, правильно говорят про новые «шарашки». Никто не будет жить в такой стране, люди уезжают туда, где к ним будут относиться иначе, где у них будут другие возможности. Посмотрим на два послания президента. Возьмем первое послание. Что там было из политических тем? Могу напомнить: дать партиям, которые на выборах в Госдуму набрали 5%-7% по 1-2 мандата, курам на смех! Снизить порог численности партий с 50 тыс. до 40 тыс. к 2012-му году. Это невиданный гуманизм. Давайте человеку, у которого два пожизненных срока, один уберем, ему будет приятнее, гуманизм. Отменили избирательные залоги, но оставили репрессивную регистрацию по подписям. В результате еще больше облегчили возможности отказа в регистрации оппозиции на региональных выборах. Президент сказал о необходимости расширять права общественности на выборах местного самоуправления, после чего это право у общественности отобрали, зато увеличили срок полномочий президента до 6-ти лет. Затем – а этого не было ни в каком послании – изменили порядок назначения главы Конституционного суда. Параллельно принимаются законы об уменьшении количества дел, по которым могут привлекаться суды присяжных, и так далее. Что получается? Абсолютно второстепенные, смешные, косметические, псевдодемократические изменения в сочетании с реальными, серьезными элементами, ухудшающими положение в стране. Возьмем второе послание президента. Если из него выкинуть всю болтовню про

широкополосный интернет в далеком будущем, что у нас останется на сегодня? Обещания снижения заградительного барьера с 7% до 5%. Президент об этом сказал 12 ноября, региональные выборы были назначены в период 9-12 декабря, был дан месяц, фактически во всех восьми регионах, где пройдут выборы парламента 14-го марта, в это время принимались поправки в региональные законы. Как вы думаете, сколько регионов из восьми прислушалось к посланию президента? Один! Это Воронежская область. Там за несколько дней до послания повысили барьер до 7%. Произошло послание, они внесли поправку о том, что партия, получившая 5%-7% получает один мандат, но у них распределяется всего 28 мандатов, то есть 5% – это один мандат и есть. У них получилась на 2 страницы статья в законе, совершенно иезуитская, с тем, чтобы признать, что не нужно было повышать до 7%. Еще 2 региона, Рязань и Республика Алтай, не повысили с 5% до 7%, в последний момент послание президента позволило не повысить барьер. А в остальных регионах, даже там, где оппозиция с посланием в руках выходила на трибуну и предлагала даже не вернуться назад, а просто не принимать поправки, которые вносились представителями одной известной партии, и это было проигнорировано. В Калуге, наверное, многие это знают, в ответ на предложение оппозиции оставить 5% прямо было сказано: «У нас свой лидер». В Свердловской области все предложения оппозиции, которая апеллировала к посланию президента, были отклонены. В Курганской области предложения оппозиции, которая апеллировала к тому же посланию, были отменены. Есть губернатор Бердников, мне Владимир Александрович Рыжков не даст соврать, который произнес замечательную фразу, смысл которой заключается в следующем: в том, что говорит президент, есть то, что мы поддерживаем, и есть то, что нас не касается. То есть, если после послания президента один регион реагирует, два – косвенно, местами, а по остальным позициям происходит дальнейшее ухудшение ситуации, что это означает? Либо изначально говорится без всякого расчета, что это будет как-то реализовано, либо – другой сценарий – президент не может ничего из того, что говорит, реализовать, не имеет для этого рычагов. Если мы сравним осеннюю избирательную кампанию с весенней, то, по части отдельных элементов, в чем-то стало лучше, но при этом продолжается расширение внедрения партийных списков на муниципальные выборы, в селах и деревнях, где нет никаких партий. В том же Красноярском крае, во всех районах, в самых глухих таежных – партсписки. Все сельсоветы избираются по смешанной системе, на муниципальный уровень вводят при этом все чаще методы делителей, на муниципальный уровень выводят дробное деление по спискам на территориальные группы по самой сложной схеме. Смысл в том, что когда группы очень мелкие, то конкуренция между группами усиливается, выходит русская рулетка, никто не знает, кто выиграет. неизбежно часть групп вообще не получит мандатов, а часть получит по 2-3 мандата. Выборы превращаются в конкуренцию админресурсов – какая администрация явку больше нагнала, та и получила мандат внутри списка. При таких списках самое разумное – среднее количество групп, а не слишком мелкое, чтобы и конкуренция групп была, не было слишком сильной зависимости от админресурса, и все группы были хотя бы с одним депутатом. Что же сейчас творится с группами? Просто безобразие. К примеру, Мулинский сельсовет Володарского района Нижегородской области. Здесь партсписки разбиты на 5 территориальных групп. Так можно дойти до выбора старшего по подъезду по территориальным группам. Все это превращается в полный паноптикум, никто на обращения к здравому смыслу не реагирует. Вертикаль зажила своей жизнью, и замечательно живет.

В 2009-м году, напомним, в августе была чудная статья в газете «Ведомости» под названием «Приказано не снимать». О том, что некий не названный источник в администрации президента пообещал, что оппозицию с выборов снимать не будут. Осенью это обещание коснулось ровно одного сегмента выборов – выборов в трех регионах, где были региональные парламенты по пропорциональной части – Москва, Тула и Марий Эл, все 18 списков были зарегистрированы. По мажоритарным округам уже

этого и близко не было. Вот сидит одна из жертв, Борис Борисович Надеждин. В муниципалитетах снимали уже и партсписки, там снимали и коммунистов, и ЛДПР, и «Патриотов России», и «Яблоко», снимали всех, кого хотели.

К весне и этого нет. Теперь снимают списки даже с выборов региональных парламентов. В Ульяновске, где 14-го октября выборы в городскую Думу, в регистрации отказано 60% кандидатов, которые сдавали подписи. Про историю с «Яблоком» в Калуге и Свердловске вы тоже знаете. То, что мы имеем – это свидетельство коллапса партийной системы, которой фактически нет. Фактически, сегодня партии – это просто некие владельцы печатей, от которых вынуждены баллотироваться граждане. И люди идут в эти списки совсем не потому, что к этим так называемым партиям имеют какое-то отношение.

В результате в Рязани, к примеру, в списке ЛДПР бывшие лидеры областного демократического движения начала 1990-х. Основа списка «Яблока» на выборах в Тульскую гордуму – это бывшее патриотическое движение «Засечный рубеж». Кампанией КПРФ в Свердловской области руководит бывший член СПС и т.д. Причем, даже списки парламентских партий пытаются вычищать от нежелательных для власти кандидатов, как только могут. Здесь уже поминали депутата, писателя из Рязани, который был исключен из списка ЛДПР, но смог восстановиться. Фамилия его, кстати, Тамоников, который написал книгу под душераздирающим названием «Воин 3: Кровавый закат». Там были и другие замечательные люди. Там одну женщину сняли из списка за то, что она вышла замуж и совершила «правонарушение» – сменила фамилию, и предоставила справку о школьном аттестате, где была исправлена фамилия. Ей сказали – справка неправильная. Другому человеку поставили штамп в паспорт о группе крови на 18-й странице вместо 19-й, и так далее. Если мы увидим всю эту картину с массовыми зачистками на выборах, то поймем, что фактически никакой демократизации нет.

И, завершая, я хочу сказать пару слов о том, как на все это влияет кризис. В течение последнего месяца говорили о событиях в Калининграде. Были менее заметные, но тоже достаточно массовые для своих регионов акции протеста в Самаре, в Архангельске. Очень необычное событие в Ханты-Мансийске: в регионе, где никогда не было акций протеста, люди вышли по поводу увольнения популярного губернатора Филипенко, одного из лучших в России на сегодняшний день. То есть, мы видим некие признаки повышения общественной активности. Казалось бы, кризис, социальные проблемы и так далее. Но мы видим, что акции протеста происходят именно там, где за последние годы были назначены новые губернаторы, в основном, люди, которые к этому региону не имели никакого отношения. Дело в том, что в январе произошло некое событие, на которое никто не обратил внимания. В начале января, между двумя назначениями губернаторов, в Коми и Красноярск, был перейден своеобразный рубеж – количество регионов, где сменились губернаторы за последние 4 года, превысило половину. Коми был 41-м, Красноярск – 42-м регионом, где губернатор был назначен впервые на свой пост с февраля 2005-го года. Время, которое прошло, оказалось достаточным, чтобы население даже тех мест, где были первоначально какие-то иллюзии (а они были по поводу Бооса, там были гигантские обещания, были вложены огромные средства в пиар, они и у Шанцева были, и так далее), постигло тотальное разочарование. Это было полное игнорирование интересов территорий, местных элит, местного бизнеса, пилежка ресурсов и так далее. Мне кажется, что даже если бы не было кризиса, мы бы наблюдали те же акции протеста в тех же точках. Все делали примерно то же самое, что делал амурский губернатор Колесов. Только не очень умный Колесов сделал это быстро, нахраписто и за несколько месяцев, и также быстро перестал быть губернатором, а эти все это растянули за несколько лет. В результате получается, что с одной стороны, мы имеем ситуацию перехода количественных изменений губернаторского корпуса в качественное изменение региональной власти, сейчас это стало активно ощущаться. С другой стороны, мы имеем кризис, который объективно усиливает социальные протесты. Одно дополняет другое, и в

этом смысле получается кумулятивный эффект. Но, в результате того, что сейчас есть кризис, проблема самой региональной власти, к сожалению, многими не замечается. В этом и плюс, и минус, и дополнительное топливо в печку социального протеста. И этот же протест заслоняет реальные лозунги. Все утверждают, что это – кризис, но с какими они выходят лозунгами? В отставку Бооса, в отставку Артякова и так далее, они требуют отставки своих губернаторов, в первую очередь. Хочу напомнить, что когда была борьба с Колесовым в Амурской области, там был плакат – «Чемодан, вокзал, Казань» (он был из Казани). Поэтому, на мой взгляд, система управления регионами доходит до некоего коллапса, нормальной кадровой политики у центра нет, есть только ее декларация. То, что мы наблюдаем на практике, ни в какую единую концепцию не складывается, потому что увольняются люди с рейтингами, назначаются на второй срок страшно непопулярные главы. Говорят, что никто не будет назначаться на третий срок, а Михайлова только что назначили на третий, Богомоллов назначен на четвертый. Так что, все эти критерии – показуха.

Святослав Каспэ:

Сразу хочу сказать, что в целом разделяю пафос проекта. Именно поэтому не могу не обратить внимания на одну лакуну в его логике. Эта лакуна присутствовала и в предыдущих докладах ИНСОРа, а сейчас стала прямо-таки зияющей.

В третьем разделе доклада мы видим страну, которая, совершенно очевидно, является сложившейся политической нацией. Это следует не из конкретных параметров ее устройства, как здесь уже говорилось, почти любой из них мог бы оказаться и другим. Это следует из первого абзаца соответствующего раздела, в котором говорится: «завершение модернизации есть общественный консенсус о том, что основные цели “модернизационного рывка” в целом достигнуты и далее страна может плавно совершенствоваться во всех областях жизни». Попросту говоря, это страна, которая в основном устраивает большинство ее граждан, страна, в которой не противно жить, страна, само существование и способ функционирования, *modusviviendi* которой рассматриваются гражданами не как случайный, необязательный или даже досадный факт, а как бесспорное политическое благо. Такое состояние общества достигается в результате процесса или, точнее, события, которое покойный Салмин в «Современной демократии» называл «политико-культурным синтезом». Этот синтез имеет ценностную природу; он представляет собой не «эфемерное, скорее же просто мнимое единомыслие всех или большинства граждан по одному или нескольким вопросам», а «устойчивое равновесие весьма интегрированных систем ценностей», «симбиоз теоретически непримиримых и остающихся в принципе непримиримыми политических субкультур», тем не менее, оказавшихся способными выстроить общую рамку своего взаимодействия и включить эту рамку в свой собственный состав. И тогда возникает вопрос, даже два: вокруг каких ценностей этот синтез состоялся, и какие субъекты приняли в нем участие? Причем, эти вопросы имеют и изнаночную сторону: какие ценности были консенсуально признаны ложными, губительными, и из синтеза исключены? И, соответственно, какие субъекты остались за бортом синтеза (а такое, по крайней мере, на первых порах, неизбежно; тут примерным эквивалентом может послужить уже итальянская партийно-политическая парадигма послевоенного времени, основанная на изоляции коммунистов и недопущении их к участию в принятии политических решений всеми остальными партийными акторами)?

Но главный вопрос – это, повторяю, вопрос о ценностях, благодаря которым все описанное в докладе имело бы шанс стать реальностью. Само слово «ценности» в докладе используется многократно, и это несомненный шаг вперед по сравнению с докладом предыдущим. Однако характер и контекст его употребления заставляет усомниться в том,

что оно используется в соответствии с собственным смыслом, точнее, с тем смыслом, которым принято его наделять в социальных науках. Приведу цитату со страницы 9-й, от которой у меня просто волосы дыбом встали: «Стратегическим ресурсом становится *человеческое достоинство*. Оно всегда было этическим императивом, но теперь эта мораль становится залогом будущего, она непосредственно конвертируется в прагматические ценности и инвестируется в развитие, становится ликвидной в прямом экономическом смысле слова». Господа, ликвидные ценности, то есть, в точном словарном значении, ценности, которые можно продать «в прямом экономическом смысле слова» – это уже не ценности, а всего-навсего ресурсы, разменная монета. Сравните это хотя бы с веберовским определением ценностно-рационального действия, основанного «на вере в безусловную самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет». Сравните это с воззрениями Парсонса, для которого понятие ценности неразрывно связано с понятиями «выбора» и «жертвы»...

И вот я спрашиваю: что именно выбрала Россия Полудня XXI века? Не какие слова были произнесены (как мы знаем, произнесены уже все возможные слова, в том числе и бесспорными подлецами), а в каких конкретных ценностно релевантных решениях ее выбор воплотился, и какие альтернативы при этом были исключены? Какая версия национальной истории стала консенсуальной? Какую консенсуальную моральную оценку получили досоветская история России, октябрьский переворот, советский период, августовская революция 1991 года, Преображенская, как называл ее Солженицын? Совсем грубо говоря – в этой России Ленин похоронен? Каковы слова и музыка ее национального гимна? Упомянутая в тексте «Новая левая партия – наследница КПРФ» – что в ней нового, если она наследница? Ее руководители и члены последовали примеру своих восточноевропейских коллег и отреклись от ортодоксального коммунизма, или продолжают возносить хвалы товарищу Сталину? От всех этих вопросов нельзя отделаться туманным упоминанием «категорического исключения «госзаказа» на фильмы, программы и т.п., даже имплицитно оправдывающие или исповедующие сталинизм, изоляционизм, авторитаризм».

Я спрашиваю, далее: как выстроены отношения центра политической власти, который, надо думать, наконец, нашел в себе силы войти в пространство ценностей и выбрать в нем определенные ориентиры, с другими центрами, в этом пространстве уже присутствующими по определению, то есть с центрами религиозного авторитета? И возможно ли было сориентироваться в пространстве ценностей, не вступая с ними в содержательный диалог? В первую очередь, конечно, с РПЦ – но также и с другими конфессиями, а также, разумеется, со светской интеллигенцией? И каковы результаты этого диалога, учитывая, что в демократическом мире они бывают весьма вариативными, в диапазоне от полного лаицизма на французский манер до придания той или иной конфессии статуса государственной религии, как в Греции, Дании, Норвегии или Аргентине? Я спрашиваю, почему в тексте доклада слово «Церковь» не фигурирует вообще, а слово «религия» упоминается один раз, в обороте «религиозный экстремизм», причем не в России, а в Центральной Азии? Господа, от этих вопросов тоже нельзя отделаться, живя в мире, который наблюдатели все чаще называют постсекулярным! Без ответа на обе эти группы вопросов, причем не только на первую, но и на вторую, политическая нация не может состояться (во всяком случае, прецедентов таких нет). Ответ же на эти вопросы может быть реализован только как выбор и жертва, а вовсе не как результат ценностно-нейтрального счета выгод и издержек.

В тексте доклада неоднократно провозглашенные в нем «творчески-производительные ценности достоинства, свободы и права» фундируются исключительно прагматическими соображениями. Я не думаю – насколько я вообще представляю себе мотивы и убеждения авторов доклада, – что для них самих это так. Я думаю, что они скорее любят свободу как ценность, чем делают ее предметом рыночного торга. Я вообще как-то лучше понимаю,

как можно любить свободу, чем как можно любить модернизацию... Если же авторы доклада думают, что, педалируя прагматические аспекты модернизации и обходя стороной ценностные, они тем самым заворачивают свой интеллектуальный продукт в более привлекательную для его потенциального потребителя упаковку (под потребителем, ясное дело, понимается тот единственный актер, который способен все описанное реализовать), то, полагаю, они ошибаются. Прагматические, рационально-приземленные аргументы в пользу свободы как инструментального условия модернизации малоубедительны. В пределах этой логики, как минимум, с той же степенью убедительности можно обосновать и сценарий модернизации авторитарно-мобилизационной, а у него в этой стране поклонников и так больше. Править тиранически гораздо легче, приятнее и, главное, выгоднее, чем «перезапускать политическую конкуренцию». Рационально доказать обратное невозможно. «Людей нельзя унижать... физически, морально и интеллектуально» не потому, что это «стратегическая ошибка», как оно названо в докладе, а потому что это моральное зло. И думаю, что никакая политическая модернизация не будет возможна, если она не будет легитимирована соображениями такого порядка. Как было известно еще Веберу, рациональная легитимация – самая слабая и хрупкая из всех ее видов. А образ будущего, который рисуют авторы доклада, нуждается в легитимации существенно более прочной.

Евгений Гонтмахер:

Ленин будет похоронен.

Юлий Нисневич:

Я сидел здесь полтора часа, и я понял, что доклад, который нам представлен – это великое зло. Потому что мы обсуждаем вещи, которые не нуждаются ни в каком обсуждении. Если начать с самого доклада, нельзя предлагать метод лечения, не поставив диагноз, а в этом докладе нет диагноза, поэтому любые методы лечения абсолютно бессмысленны. В выступлениях оппонентов как раз прозвучали попытки оценить ситуацию, что практически отсутствует в докладе, то есть, идет разговор в совершенно разных плоскостях. Я не буду вдаваться в детали, но здесь совершенно забыта одна фундаментальная вещь, без которой страна существовать не может, это судебная система. Никакая избирательная система не заработает, если нет судебной системы, и ни одна система вообще не заработает, если в стране нет судебной системы. Ее нет и в докладе, и в сегодняшнем обсуждении. И последнее замечание – перед экспертным сообществом есть более важная задача. На мой взгляд, надо точно понимать, что рано или поздно власть, которая существует, обрушится, чтобы тут не происходило. И тогда перед экспертным сообществом возникают очень серьезные проблемы: попытаться проанализировать все ситуации, начиная с 1991-го года, чтобы не повторить ошибок, которые были совершены в 90-е годы и позже. В этом сегодня, может быть, и есть основная цель экспертного сообщества, а не обсуждать бессмысленные вещи – можно ли изменить эту власть. Ее изменить нельзя.

Игорь Чубайс:

Буду краток. В докладе, в выступлениях и обсуждении очень много разных тезисов, за любой можно ухватиться. Возьму только одну фразу и попробую вытянуть некую нить. В докладе утверждается, что в результате модернизации всем должно стать лучше. А оппонент уверяла, что далеко не всем станет лучше.

По-моему, очевидно, что если страна действительно начнет вставать с головы на ноги, на какое-то время всем будет хуже. Тогда возникает вопрос, не замеченный Инсором – как народу это выдержать, и можно ли к этому подготовиться? Ответ дал еще Владимир Высоцкий. В песне «Про черные бушлаты» есть слова: «Сегодня на людях сказали – умрите героически». И морской пехотинец пошел на смерть с мыслью «мне важно увидеть восход» и с надеждой «что грубая наша работа вам дарит возможность беспощинно видеть восход». Но мы до сих пор не видим беспощинного восхода, то есть бесцензурного мира.

Пережить преобразования (которые стране необходимы уже 90 лет!) можно не в случае снижения избирательного партмаксимума с 7% до 5%, о чем многие говорили, это действительно смешно. Фальшива вся избирательная система, депутаты не играют никакой самостоятельной политической роли, ни один конституционный орган вообще не является органом власти, решения принимаются непонятно кем и как!

Обществу нужна гласность, открытость, свобода слова, и люди должны сознавать, что поставленная перед страной цель моральна, нравственно оправданна. Тогда Россия вынесет все испытания. Сегодня в псевдо-элите таких политиков, конечно, нет. Но в Кремле есть политики, которым уже никто и никогда не поверит. Все привыкли помалкивать, что очень неприятно, но я бы хотел сказать, что с Путиным и Сурковым невозможно проводить модернизацию, это люди из другой системы. Что же вы все молчите, вы что – рабы? Кто за вас будет говорить?

Борис Надеждин:

У меня несколько реплик. Я не аналитик и не ученый, но я внутри этого кошмара уже 20 лет варюсь – выборы и так далее. Первое. Товарищи, меньше пессимизма. Когда я 20 лет назад впервые выдвигался в депутаты трудящихся при КПСС, было гораздо хуже, я вас уверяю. Сейчас Единая Россия со всеми ее избирками и прокурорами – это такой детский лепет по сравнению с тем, что тогда могла делать КПСС! Я фиксирую, что мы чего-то добились, и какие-никакие, а институты существуют. Второе. Без всякого сомнения, Кынев прав, коллективные протестные акции начинают резко усиливаться, я это вижу каждый день. Я могу предложить два практических действия всем, кто хочет в этом участвовать. В Подмосковье, где я заведу одной партией, «Правое дело» называется, будут выборы 14-го марта, и потом выборы 10-го ноября по Московской области. Всех желающих могу записать в избирательные комиссии, если кто-то готов – пишите мне. Вот и посмотрите, что происходит. Что принципиально важно – откуда возьмется энергетика модернизации, откуда она теоретически может взяться? Дело в том, что нынешнее руководство страны отдаст власть добровольно, так же, как и любое руководство такой системы, под страшными угрозами, под ощущением, что все, страх. Но, в отличие от коммунистов, они знают, что потом будет, и я не думаю, что они готовы заплатить такую цену, как распад страны, я не думаю, что они готовы рисковать жизнями и имуществом своих супругов. Следовательно, если они увидят энергетику достаточно серьезных протестных действий, они начнут пытаться отдать власть какому-то субъекту, и многие из них уже бы это сделали. У них проблема – они не видят субъекта, оппозиции, которой могли бы отдать власть мирным путем в результате выборов без риска тяжелых последствий для себя и своей семьи. Такие примеры в истории есть, когда власть конструировала устраивавшую их оппозицию и передавала власть. Но я скажу так – запомните эту дату, следующие массовые выборы будут 10.10.10., символическая дата. Я думаю, что там столкнутся два тренда. Первый тренд, про который говорит Кынев – несмотря ни на что бюрократия не хочет отдавать власть, будут фальсификации и так далее. А второй тренд, который я сейчас пытаюсь форматировать – это готовность к массовым протестным акциям, которые не сработали 11-го октября, к сожалению, в

Москве, по разным причинам, но я вас уверяю – 10-го октября они сработают, по крайней мере, в Московской области. Потому что сейчас по всему Подмоскovie мы тренируемся, подаем заявки на митинги. 28-го февраля будет митинг в Химках, если кто резидент – приходите, будет весело. Мелкая проблема: нам в качестве места определили парк, но ничего, мы потренируемся. Это 100 метров от Ленинградского шоссе, вы сами понимаете, что место интересное. Мы готовимся, я формулирую повестку дня, что сейчас надо делать. Вот так: стихию протеста – в энергию модернизации. Вот что нужно сделать, и что может изменить страну.

Андрей Мельвиль:

Доброжелательные критики обращают внимание на стиль и форму доклада и на его потенциальную аудиторию: оправдан ли жанр новой утопии, и на кого он рассчитан. Я очень хорошо отношусь к докладу и его авторам, но все же обращаю внимание на одну его логическую лакуну. Доклад построен так, как если бы некий *duesexmachina*, «бог из машины» взял и перенес нас в нормативный образ желаемого завтра. Это «эссе», по словам Евгения Гонтмахера. А вот как именно, посредством каких политических процессов мы в этом желанном «завтра» оказались, остается «за скобками». Не сформулированное открыто, но как будто бы имеющееся в виду предположение состоит в том, что некая добрая воля просвещенного руководства, подкрепленная снизу какой-то широкой коалицией, как раз и оказалась стартовой кнопкой, на которую кто-то нажал и перенес всех нас в «место, которого нет». Даже если избранный жанр и не предполагает четкого прописывания последовательности политических действий и процессов, которые способны привести нас в желаемое завтра, не думать о них мы себе позволить не можем. Что мы знаем из сравнительной политической истории, так это то, что все опыты демократических преобразований и транзитов последних более чем четырех десятилетий начинались либо с давления снизу, либо (гораздо чаще) с расколов сверху, в элитах, в результате которых появлялся лидер-реформатор, начинавший либерализацию режима и частичные преобразования. Балансируя вначале между реформаторами и консерваторами в элите, он обращался за поддержкой к общественным силам вне режима и с их помощью приступал к реальной демократизации. Вопрос о расколе в элитах и реальных процессах возникновения субъекта демократических преобразований, по понятным причинам, в докладе обойден (хотя сам доклад – косвенное тому подтверждение). Но это не значит, что мы не должны думать о конкретных сценариях политического развития, которые способны привести нас в «завтра». И путь этого развития будет, несомненно, чреват ростом нестабильности и неопределенности, как и другими серьезными издержками, о которых, в частности, говорила Ирина Бусыгина. Но другого пути, похоже, нет.

Елена Гусева:

Я бы хотела, начиная со слов Ирины Марковны, сказать, какая гарантия у власти. Власти уже нельзя предоставить гарантии, ей нужна мотивация ее выживания. Поэтому я считаю, что доклад этот нужен, но срочно нужен антидоклад, то есть, по всем позициям, которые были изложены, нужно написать то, что произойдет, если этого не будет. Нужно писать обширную структурную страшилку. Нужно предупреждать все социальные слои, что будет дальше, если мы не пойдем по пути развития, который описан в этом докладе.

Александр Мадатов:

Я бы хотел присоединиться к тем, кто сказал, что доклад представляет собой, скорее, идеальный тип, то есть, как должно быть по сравнению с тем, что есть. И мало у кого это

вызывает возражения. Другой вопрос – есть ли в сегодняшнем нашем положении что-либо, что позволило бы максимально приблизиться к этому идеальному типу. При оценке политического режима в России я исхожу из того, что он не столько авторитарный (в классическом понимании авторитаризма), сколько гибридный. И подобных гибридных режимов, содержащих как элементы демократии, так и авторитаризма, насчитывается в современном мире не один десяток. И здесь я согласен с моим коллегой Борисом Надеждиным в том, что ситуация сейчас лучшая, чем была 20 лет назад. В связи с этим я хотел бы дать реплику выступившему здесь Игорю Борисовичу Чубайсу и напомнить, что 20 лет назад мы с вами обсуждали проблемы реформирования страны в рамках демплатформы КПСС. Сейчас мы, все-таки, собираемся не в «демплатформе» Единой России, а на семинаре в рамках легально функционирующего фонда «Либеральная миссия».

Хотелось бы коснуться проблемы, на которую обратил внимание один из докладчиков, Михаил Николаевич Афанасьев. Меня, в частности, немного насторожило, когда прозвучало, что 1000 человек могли бы инициировать политическую партию (если я правильно понял). Возникает вопрос: а не приведет ли это к хаосу многопартийности, который у нас был в 90-е годы, когда в электоральных циклах 1995-го и 1999-го годов были представлены 30-40 списков партий и объединений, и это в немалой степени дезориентировало избирателя. Хотя, в то время, это была неизбежность переходного периода. Другое дело, что на сегодняшний день мы действительно перешли от хаоса многопартийности к квазимногопартийной системе. Исторический опыт показывает, что многие страны, охваченные транзитом, прошли через хаос многопартийности, но в нормальных ситуациях многопартийность эволюционировала в многопартийную систему. У нас же многопартийность трансформировалась в квазимногопартийную систему, так же, как и политическая конкуренция эволюционировала в квазиконкуренцию.

Выступивший здесь Андрей Юрьевич Мельвиль поставил интересный вопрос – на какие силы можно опираться при модели модернизации, которая представлена в докладе? При ответе на этот вопрос хотелось бы сослаться на интересный материал, представленный в книге присутствующего здесь Михаила Николаевича Афанасьева «Современные элиты развития: запрос на новый курс». В ней на основании социологических исследований показано, что немалая часть нынешней элиты заинтересована в политической модернизации.

Что касается нынешней правящей партии Единая Россия, то, слава богу, в отличие от КПСС, она не является идеократической. Это партия политического центризма. Но что такое политический центризм в сегодняшней России? Это крошка из идей умеренного либерализма, умеренного патриотизма, умеренного державничества и так далее. Поэтому эта партия представлена неоднородными силами. Рано или поздно это даст о себе знать (в положительном или отрицательном плане). Не следует также игнорировать определенные сдвиги в политической культуре, произошедшие за последние десятилетия в российском обществе (по крайней мере, в его наиболее активной части). Хотя в этом плане остается, одна из больных для России, проблема деперсонализации политической власти, как на уровне центра, так и в регионах.

Игорь Яковенко:

Надо сказать, что доклад обладает психотерапевтическим и расслабляющим действием. Я читал его с удовольствием, как хорошую фантастику о светлом будущем. Приятно было бы жить в такой России. Наверное, сам по себе доклад – событие нужное, и обсуждать его надо, но возникает масса вопросов. Прежде всего, виноваты не авторы доклада. Проблема в базовом понятии «модернизация». Оно не отрефлексировано. В том виде, как оно подается сегодня, это очередная идеологическая игрушка власти, и власть имеет право

играться. Другое дело ученые. Что понимается под модернизацией в настоящем проекте? Теория модернизации разрабатывается более полувека. Авторам стоило бы соотноситься с этой традицией.

Теперь несколько частных замечаний. Я скажу вещь, которая может кому-то показаться страшной, но территориальная целостность – это не священная корова. Надо к этому относиться здраво и понимать, что существует логика всемирно-исторического процесса, и против нее не попрешь.

Но главная, на мой взгляд, проблема связана с мерой исторической субъектности российского общества. Сейчас шел разговор о запросах, которые формируются в обществе. В чем состоит главный запрос российского общества? Что в этом отношении объединяет и власть, и элиту? Я культуролог. Материал, которым я располагаю, и профессиональные компетенции приводят меня к утверждению, что главный запрос – застой. Общество хочет, чтобы перемены были минимальны, чтобы чиновники и слуги государевы не теряли чувства меры, и чтобы сегодня платили чуть больше, чем вчера. А по существу, это и есть застой. В такой ситуации многие готовы принимать любую политическую и административную реальность и жить спокойной частной жизнью десятилетиями. Возможно, я ошибаюсь, но я вижу эти настроения в обществе. Надо помнить о том, что серьезные качественные преобразования происходят всегда не от хорошей жизни. За ними стоит необходимость, на которую толкает история. Кризис, который мы переживаем, не составляет необходимых и достаточных условий для очередной итерации модернизации. Для этого надо, чтобы стал вопрос о власти, об ответственности, о многих других вещах. Но шанс на разворачивание преобразований кризис дает. Я полагаю, что изменения, если они произойдут, будут разворачиваться на фоне в достаточной степени драматических событий.

Владимир Гимпельсон:

Выслушав многочисленные интересные и содержательные выступления, часто критические, я хочу выступить в защиту авторов. Конечно, когда думаешь о наших проблемах и о поиске выхода из сложившейся ситуации, то вспоминается известная шутка: “HowtogettoDublin? Don’tstartfromhere!” («Как добраться до Дублина? Не начинайте отсюда!»). Ситуация кажется безнадежной. Авторы назвали свой доклад «образ желаемого завтра», они не назвали его фотографией желаемого завтра. Я думаю, что никто не может претендовать на то, что представляет себе все детали того, что будет или может быть завтра. Они не назвали это картой, они не назвали схемой или алгоритмом движения к желаемому завтра. Образ – это что-то обобщенное, в нем есть главное, но многих деталей нет, и не может быть. Вряд ли кто-то из здесь присутствующих может претендовать на то, что знает детали. В этом смысле критика может быть бесконечной, и многие претензии, которые высказывались, допустимы. Но мое восприятие этого доклада таково: детали здесь не имеют значения. Главное в нем то, что он расширяет границы дискуссии по поводу модернизации в целом и необходимых для этого политических перемен. В этом я вижу и цель доклада, и главную его ценность. Он показывает, что проблемы политической модернизации нужно и можно обсуждать, что это более чем актуальная проблема. Здесь не должно быть трусливой самоцензуры. А то, что многое в нем отсутствует – а многое действительно отсутствует и многое можно оспаривать – это не является его недостатком. Наши обсуждения, в конечном счете, способствуют и закрытию имеющихся лакун. Я очень признателен авторам доклада за то, что они дали нам возможность пообсуждать и поспорить.

Константин Огрызко:

У меня самое короткое выступление.

За свержение власти КПСС пришлось заплатить распадом государства СССР. Не придется ли заплатить за свержение нынешней власти ту же цену – распад государства Россия? Разве эта цена может быть приемлемой? Как этого избежать, можно ли этого избежать – вот в чем вопрос. Егор Тимурович Гайдар в своих выступлениях постоянно возвращался к вопросу, видимо, мучившему его, о цене распада СССР, насколько тяжелой была эта цена.

Леонид Васильев:

Дорогие докладчики! Мой вопрос к вам. Скажите, пожалуйста, насколько вы сами верите в то, что писали? И рассчитываете ли вы на то, что человек, для которого вы стараетесь (я понимаю, служба у вас такая), на мой взгляд, недостойный того, чтобы столько ради него старались, сможет что-нибудь сделать?

Борис Макаренко:

Спасибо Евгений Григорьевич, спасибо, уважаемые коллеги. Начну с последнего вопроса.

Модернизация может быть игрушкой власти, но, с другой стороны, это не самая плохая игрушка. Пусть наша власть лучше играет в модернизацию, чем в «великую державу» или в другие игры, которые она может себе придумать. Но даже если это игрушка для власти, для нас это не игрушка, мы прекрасно понимаем, что России нужна модернизация. Подыграем, скажем свое слово. Мы его сказали – это и есть свержзадача доклада. Читатель у этого доклада действительно один, имя ему – гражданин России, не обязательно по фамилии Медведев.

Насколько мы верим, что эта власть может что-то поменять? На презентации доклада 10-го февраля в Институте современного развития Дмитрий Орешкин сравнил нас с людьми, которые пытаются объяснить Николаю Первому необходимость отмены крепостничества до поражения в Крымской войне. У меня сразу возник вопрос, должен ли был честный русский патриот желать поражения своей стране в Крымской войне, чтобы ускорить модернизацию? Не следует ли считать адмирала Нахимова или матроса Кошку деструктивными элементами, которые своим героизмом оттягивали этот позорный конец? После чего я подумал – а кто мы такие? Мы – Левши, мы, может быть, впервые в российской истории, надеемся на то, что государь осознает, что ружья кирпичом чистить нельзя, еще до того, как случится Крымская война. Фразу про ружья и кирпич помнят все, не все помнят продолжение. Ведь доктор, лечивший Левшу, его услышал и пошел к графу Чернышеву. Как веком позже Буденный – тоже был хороший командир легкой кавалерии, который оказался военным министром на долгие годы, и все кавалерию поощрял, а пароходы и нарезные ружья не любил, полная параллель. Граф Чернышев сказал: «Пошел к черту, плезирная трубка, не в свое дело не мешайся, а не то я отопрусь, что никогда от тебя об этом не слыхал, тебе же и достанется». Мы надеемся, что в век интернета отпереться графам чернышевым станет труднее, именно поэтому мы этот доклад и писали.

Насчет раскола элит и того, откуда это возьмется. У меня с трудом хватает фантазии представить, какая была бы реакция на доклад, если бы мы там еще и про раскол элит написали. Но, допустим, раскол элит есть, Михаил Николаевич в своем исследовании показал, что есть. В марте 1985-го года вышла книжка Стивена Коэна, который хорошо знал КПСС, и он написал, что в КПСС есть свои реформаторские силы. Он это писал еще во время правления Черненко. Вопрос и проблема в том, что нет каналов экспликации

этого раскола, среда стала настолько неконкурентной, что элиты, которые думают совсем по-другому, не могут и не хотят свое мнение высказывать. Это колоссальная проблема для транзитов, и в этом отличие российской модели от многих других. Здесь я перехожу, с благодарностью к Ирине Марковне за ее выступление, к еще одному вопросу о коалициях, ранних победителях и ранних проигравших. Михаил Николаевич провел очень хорошее исследование на тысячи респондентов для глубинного и качественного изучения, это огромный труд. Но, переходя на более широкие слои, мы не можем в сегодняшней среде вычислить ни коалицию за модернизацию, ни коалицию против, мы можем только догадываться, как они сложатся, если модернизация пойдет. Вот тогда возникнут расколы, тогда пойдут коалиции. Мы сознательно этого не прописывали, это – артель напрасный труд. Почему мы демократизацию выстраиваем как одно из первейших условий модернизации? Потому что только при демократизации коалиции победителей и проигравших смогут друг с другом вести не войну на уничтожение, а поиск компромисса. Никто не говорит, что будет легко.

Еще одно свидетельство того, что у нас все не так, как в остальном мире – это те самые J-curves, J-кривые, про которые говорила Ирина Марковна. Покойный Сэм Хантингтон рисовал их года с 1970-го, если мне не изменяет память. И у него получалось, что когда модернизационные процессы опускают уровень жизни, и растет протест, вот тогда нужна преторианская гвардия, нужно закручивать гайки. А когда пик пройден, их нужно отпускать. У нас получилось с точностью до наоборот, и в центральной Европе так же, когда нисходящая кривая пришлась на период пребывания у власти либеральных партий, а потом, когда самое тяжелое было пройдено, все пишущие о центральной и восточной Европе с ужасом кричат о популизме, реакции, крахе либеральных идей. Это преувеличение, но и у нас самый тяжелый период по ощущениям общества был при более либеральном режиме, потому что без этого невозможно было демонтировать прежнюю систему и построить рынок.

Последнее, Святославу Игоревичу, про ценности. Кое-что там есть, вы не все кусочки из доклада, с этим связанные, прочитали. Естественно, нужен синтез, естественно, предполагается, что он будет примерно там же, где этот синтез происходит у Европы, во всяком случае, в той части Европы, которая ближе к нам. Почему нет религии – отдельно можем поговорить, сейчас готовится к печати статья, где я был соавтором, основанная на исследовании российских политических субкультур. Большое фокус-группное исследование, масса респондентов, которые говорят о своей политической мотивации. Слово «религия» не произнес ни один из нескольких сотен респондентов. Это не значит, что религия не важна, это значит, что в конкретной России в конкретную историческую эпоху она не является ценностью, формирующей политическое сознание.

Спасибо за внимание и за критику.

Евгений Ясин:

Я хочу поблагодарить Бориса Игоревича и Евгения Шлемовича, которые представляли доклад. Я хочу поблагодарить оппонентов. Все было интересно, свежо и актуально. И я хочу поблагодарить всех выступавших, которые каждый по-своему увидели определенные ракурсы и внесли свой вклад в обсуждение проблемы.

Почему я выдвинул эту тему для дискуссии? В данном случае, это моя точка зрения, я считаю, что в настоящее время в России наиболее актуальная проблема – политическая система. Хотите – назовите демократизацией, как угодно, просто более актуальной проблемы нет. Мы начинали революцию в 1991-м году и ставили две задачи – экономические реформы и политическую демократию. Первая задача у нас худо-бедно была решена. Есть разные точки зрения, но, в конечном счете – сходите в магазин. Дальше

многое надо выстраивать. Но политическая система, решение задачи демократии не состоялось. Во-вторых, сейчас, когда вы обращаетесь к тому, что можно сделать в совершенствовании экономики, я утверждаю как экономист, что в рамках самой экономической системы не то что нечего делать, но вы каждый раз наталкиваетесь на одни и те же проблемы, которые стоят за пределами экономики. Мы должны понимать, что страна находится перед очень серьезным вызовом. Я полагаю, что более серьезного вызова в истории России вообще не было. С одной стороны, мы отстаем от развитых стран и по способности что-то придумывать, делать. Выводить на рынок конкурентоспособные товары мы пока не можем. С другой стороны, нас подпирают развивающиеся страны, которые еще 10 лет назад никто не принимал в расчет, а сейчас, кроме как о них, и не говорят. Слово «Россия» в американском политическом лексиконе практически исчезло, теперь все про Китай. Я преувеличиваю, но определенный резон тут есть. Я хочу поделиться таким воспоминанием – года 2 назад я затеял создавать школы демократии и поделился идеей с одним из полит комиссаров Кремля. Он мне сказал: «Первое лицо этого слова не любят, я имею в виду не школу». Теперь выходит документ ИНСОР, новый президент пару раз употребил слово «демократия», как будто что-то стало меняться. Дорогие друзья, совершенно не из-за кризиса. Если кто-то думает, что кризис каким-то образом будет способствовать политическим сдвигам, этого не будет, уже нет. Надо понимать, что если что-то и произошло, то это какие-то мелочи. Разогрев политических движений – результат кризиса? Ничего подобного. Пикалево? События на Дальнем Востоке, где был вольфрамовый рудник? Все выступления, которые имеют место, не связаны с кризисом. По крайней мере, капитально не связаны. Это то, о чем говорил Игорь Григорьевич Яковенко, что нет спроса. Это другая страна, другая культура. Все правильно. Но есть и другая логика, может быть, она не такая капитальная, есть короткие волны или средние волны. После кризиса 1998-го года было настроение стабилизации. Потом стабилизация достигла своей цели. Вождь еще думает, что она навсегда, а спрос на нее уже проходит, и начинается другая волна. И это не зависит ни от чьего желания. Возможно, что-то такое и происходит. В этих обстоятельствах появляется доклад, в котором все это прописано вполне открыто и обстоятельно. Конкретно сказано, что надо делать. Кое-что они, может быть, и забыли, но я подозреваю, что не просто забыли, а у них были какие-то свои соображения. Надо понимать, кто у них председатель попечительского совета. Лично я считаю, что в некотором смысле это событие. А когда Владислав Юрьевич еще и со своей стороны предпринял какие-то действия, и началась вторая кампания травли, я подумал, что надо что-то противопоставить. Сейчас я послушал все, что было сказано, и, должен сказать, испытал глубокое удовлетворение, особенно от критических выступлений. Потому что я считаю так: пускай авторы не рассказывают, какие они умные, что они потом еще напишут, не в этом дело. Дело в провокации дискуссии. Мы ее получили, и мы обязаны реагировать, обсуждать эту проблему, чтобы у власть предержащих было понимание, что они тоже должны что-то делать. Потому что настроения в обществе меняются, и настроения, которые были, когда Путин отменял выборы губернаторов, уже прошли, и их больше не будет, по крайней мере, до следующего качания маятника, до которого, надеюсь, я не доживу.

Так что я хочу еще раз выразить всем благодарность и сказать, что наша задача – откликнуться на эту провокацию. Если кто-то хочет организовать еще дополнительное обсуждение, я берусь ходатайствовать перед авторами, чтобы вы могли обсуждать эту проблему на разных площадках. Чтобы все понимали – эта проблема актуальна, и ее надо решать.